

Имя свое я не отдам

Автор: Лина Кашина, зам. директора по научно-исследовательской работе Экоцентра Мегион.

В краеведческом музее Мегиона состоялся юбилейный вечер, посвященный 80-летию Веры Михайловны Шлябиной - Почетному дарителю музея, старожилу Мегиона и Нижневартовского района, узнице фашистских концлагерей, ветерану труда РФ и активному общественнику.

Она родилась в белорусской деревне под Минском, утопающей в зелени садов. Имя девочке дали с глубоким смыслом: Вера. Кто бы тогда мог подумать, что на ее долю выпадет столько событий и испытаний, что хватило бы не на одну судьбу!? И во всем будет опорой ее вера.

Родители Веры Линник были грамотными людьми по тем временам. Мать прекрасно знала старославянский, помимо родного белорусского владела польским. Отец – кадровый военный, политрук. Родители привили любовь к знаниям детям.

В первый класс в те годы брали с 8 лет. Отцу 7-летней Веры в приеме дочери в школу отказали. Тогда Вера, обув мамины ботинки на высоком каблуке со шнуровкой и подвязав спереди что-то невообразимо длинное, чтобы казаться выше и старше, сама отправилась проситься в школу. Пришла в класс, где сидела комиссия, и заявила, что очень хочет учиться. Продемонстрировала знания арифметики, чтения, пения. А на просьбу написать что-нибудь, спросила: "Как? "Потарелочному" или "по-газетному"?" Удивленную комиссию заинтересовали оба способа письма. Вера написала прописью по кругу "Без соли, без хлеба – худая беседа", а затем печатными буквами: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Девочке разрешили присутствовать на занятиях, а через полгода официально зачислили в школу. Училась она на "отлично".

В 40-е годы по указу Сталина ввели платное школьное обучение. Вера была вынуждена оставить школу и проситься в сельхозтехникум, где обучали бесплатно. Занятия шли уже полгода. Только с третьего раза директор согласился принять ее в качестве вольного слушателя. Однако педагоги требовали с девчонки как со студентки и ставили ей оценки в журнал. А в марте директор вызвал испуганную девушку к себе и объявил, что она зачислена в техникум и задним числом получит стипендию за полгода.

Счастливую юность 15-летней Веры оборвала Великая Отечественная война. Техникум закрыли. В первый же день войны в госпиталь ближайшего военного городка Марьино Горка начали поступать раненые. Вера три дня помогала перевязывать и обрабатывать раны бойцам. На 5-й день войны Марьино Горку, прилегавшие к ней деревню Блонь и станцию Пуховичи захватили немцы. В деревне у церкви установили виселицу, начался кровавый террор.

В 1942 г. Веру в день рождения схватили, вместо имени выдали бирку N 355 и отправили на принудительные работы в Могилевскую область на торфоразработки. Здесь маленькой и хрупкой девушке постоянно хотелось есть, ныли и кровоточили израненные сухим торфом руки. Но она терпела, так как перед глазами стояли 1 700 недавно расстрелянных евреев, среди них 9 ее учителей, 700 детей, которых фашисты били головой о ствол сосны, чтобы не тратить пули.

18 ноября 1942 года - новое испытание. Двое суток она стояла вместе с матерью и сестрами в числе жителей Блони у церкви в ожидании расстрела. Спасло чудо. Зимой этого же года на глазах у Веры сожгли 18 ее родственников.

Затем была работа вместе с советскими военнопленными на лесоповале, земляных работах, стройке в окрестностях Пуховичей. Унижения, оскорбления, бесконечные окрики: "Шнель, шнель!", "Руссиш швайн!".

В конце мая 1944 г. 60 человек из Блони и в их числе Веру насильственно привезли в Марьино Горку для отправки в Германию. Через две недели после подкупа полицаев, охранявших молодежь, всем удалось бежать. Вера пришла домой. Выдал местный провокатор, в дом ворвались эсэсовцы с собаками, ее забрали снова. До освобождения Минска оставалось два дня. Девушку отправили в концлагерь Розенберга, откуда продали фермеру. Цена русской рабыни – 60 дойчмарок. Маленькую, слабую Веру заставляли носить тяжелые фляги, морили голодом. Она опять бежала, теперь к Польской границе. Была обнаружена патрулем. Собаки сбили с ног. Веру вернули в Розенберг и снова продали.

Дети эсэсовки Лизы Вагнер, купившей Веру для работы в ресторане, со смехом ощупывали ей голову, проверяли, нет ли у нее рогов. Здесь рабыне не разрешали есть даже отходы, а работать

заставляли по 20 часов в сутки. У нее вновь отобрали имя. Лиза назвала девушку Анной. Вера не сдавалась и упорно твердила: "Найн, Вера!" Эсэсовка била девушку мокрой тряпкой по лицу и топала ногами. Вера, хорошо знавшая немецкий, заявила: "Вы отняли у меня Родину, дом, родных, но свое имя я вам не отдам!" От лагеря смерти Дахау Веру спасла жадность Лизы, которая не хотела потерять ни работницу, ни отданные за нее деньги. И пленницу стали звать Русская.

В конце января 1945 г., по мере приближения советских войск, девушку ночью эвакуировали в г. Оппель, затем с колонной военнопленных вывезли в лагерь Лигница на территории Чехословакии. Потом был концлагерь Баутцен в Саксонии.

Ее продавали, покупали. И повсюду – унижения, побои, голод. Но она не сломилась, постоянно доказывая, что она не "Русшиш швайн". Однажды девушка заявила оскорбившему ее немцу, что ни в чем ему не уступает, и доказала это, загадав загадку по-немецки и написав своим красивым ровным почерком фразу на немецком языке, немец же нацарапал каракули. Спела песню про Лили Марлен. Поспорила, что залезет на голый столб, и залезла. Посрамленный фашист отдал девушке две пачки проспоренных сигарет, к нему присоединились другие немцы. Вера передала сигареты советским военнопленным.

Освободили ее в начале мая 1945 г. солдаты Войска Польского и Советской армии. Среди освободителей она узнала двоюродного дядю, он отвел ее к командиру, подполковнику Терентьеву, старому знакомому их семьи. Тот вместо отправки девушки домой посадил ее оформлять документы на советских военнопленных, выходцев из республик Средней Азии, стоявших в очереди бесконечной вереницей...

Союзники вербовали Веру в Швейцарию, Голландию, Англию, Америку. Но как могла она, патриотка, бросить свою страну!?

В лагере Болькенхайм прошла фильтрацию. По дороге на Раву Русскую на освобожденных узников дважды нападали бандеровцы, прямо по машине открывали стрельбу, многих ранили, некоторых убили. Трижды и до этого в Веру стреляли, но судьба ее всегда хранила. На родину Вера прибыла только 24 сентября. Мечтала о встрече с родными и о дальнейшей учебе.

Однако об институте пришлось забыть. Подала заявление в Бобруйский мединститут, потом в Минскую сельхозакадемию, но на всех ее заявлениях ставили крест. Дорога узникам Вермахта по приказу Сталина была закрыта везде. И только благодаря коллективу совхоза, проголосовавшему за то, чтобы ее направили учиться, Вера закончила ветеринарный факультет сельхозтехникума в Марьиной Горке.

В 1947 г. на постой в дом ее родителей определили молодого, голубоглазого, с золотыми, как рожь, волосами, офицера-сибиряка. Он прекрасно рисовал, играл на нескольких музыкальных инструментах, был мастером на все руки. С Дмитрием Васильевичем Шлябиным Вера и связала свою судьбу.

Через три года Вера Михайловна с семьей переезжает в Западную Сибирь, сначала к родным мужа в Алтайский край, затем – в Кемеровскую область, оттуда – в Томскую. Здесь, в деревне Саровке - куда депортировали немцев, работы по специальности не было. Пришлось вместе с мужем идти на лесоповал, валить тайгу, заготавливать дрова для пароходов, так называемый швырок. Троих маленьких детей на целый день оставляли под замком.

В 1954 г. Вера Михайловна по направлению Тюменского сельхозуправления в числе образованных специалистов по призыву Родины едет на реку Вах в д. Охтеурье Ларьякского (ныне Нижневартовского) района развивать сельское хозяйство среди ханты. Как у бывшей узницы концлагерей у нее не было права выбора. В ее ведении – и крупнорогатый скот, и колхозные огороды, и зверофермы в Охтеурье и Лапчинске. А кроме того, на плечах – домашнее хозяйство, трое детей. Со всем справлялась, хотя было невероятно тяжело. Ханты чужда как культура земледелия, так и животноводство. К тому же в наследство досталось стадо коров с отморозенными хвостами, с самым высоким надоем молока - 200 граммов в день, и коровник, крыша которого больше походила на решето.

Через два года семью Шлябиных отправляют на приток Ваха в Колек-Еган строить новую деревню. Высадились на голом берегу. Соорудили шалаши, спали в марлево-ситцевых пологих. За лето построили дом, осенью – другой, к зиме – третий. В них и переселились. Деревню назвали Озерной. А через год построенные дома сплавить на реку Вах в хантыйскую деревушку Усть-Колек-Еган.

Здесь круг обязанностей дополнила ответственность за олени стада на Агане и звероферму. Веру Михайловну несколько раз избирали депутатом Колек-Еганского сельсовета, что тоже требовало времени и сил.

Однако, несмотря на все трудности, жизнь была духовной. Часто по вечерам Вера Михайловна и Дмитрий Васильевич садились на крыльцо и пели. Их пение собиралась послушать вся деревня. А в праздники Шлябины становились и режиссерами, и сценаристами, и костюмерами, и артистами, так как ни одно торжество не обходилось без спектаклей или концертов.

В 1961 году Шлябины переехали в Мегион – нужно было учить детей дальше.

Вера Михайловна – ветеран труда Российской Федерации. Ее труд отмечен многочисленными грамотами. Но она не только замечательный труженик, но и активный общественник, Почетный даритель Мегионского краеведческого музея. 16 лет назад на общественных началах помогала организовывать школьный музей, которому уже через год присвоили статус городского.

Радуют Шлябиных дети. Младший сын Дмитрий – известный далеко за пределами Мегиона краевед, художник и таксидермист, обладатель медали ордена "Петра Великого" за доблестный труд. Потому вполне логично, что в 2002 г. правительство округа вручило Вере Михайловне благодарственное письмо "За воспитание достойных граждан нашей страны".